

Кудласевич Иоанн Николаевич

иерей, аспирант, Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Адрес: 115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

E-mail: 0-001@tut.by

Кризис греко-русских отношений в 1870 гг. по материалам переписки архимандрита Леонида (Кавелина) с афонскими старцами*

DOI: 10.24412/2587-9316-2021-10020

Исследование посвящено изучению русско-афонских связей во второй половине XIX в., когда Святая гора Афон неизбежно втягивалась в орбиту геополитических интересов России и Британии. В центре внимания автора — греко-русский конфликт в Свято-Пантелеимоновом монастыре, достигший своего апогея к середине 1870-х гг. По архивным и опубликованным в последнее десятилетие материалам прослеживается участие архимандрита Леонида (Кавелина) как церковного дипломата в решении проблем русского монашества на Афоне в период обострения антирусских настроений на Православном Востоке.

Ключевые слова: Православный Восток, российско-британская дипломатия, Свято-Пантелеимонов монастырь, этнофилетизм, греко-русский конфликт, архимандрит Леонид (Кавелин), российская дипломатия.

...

Для цитирования: Кудласевич И.Н. Кризис греко-русских отношений в 1870 гг. по материалам переписки архимандрита Леонида (Кавелина) с афонскими старцами // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 3. С. 56–77.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-09-41016.

Ioann N. Kudlasevich

Priest, Postgraduate, Saints Cyril and Methodius Theological Institute for Postgraduate Studies

Address: 4/2, bldg. 1, Pyatnitskaya St., 115035, Moscow, Russian Federation

E-mail: 0-001@tut.by

The Crisis of Greek-Russian Relations in the 1870s Based on Correspondence between Archimandrite Leonid (Kavelin) and the Elders of Athos*

DOI: 10.24412/2587-9316-2021-10020

The study is devoted to the study of Russian-Athonite relations in the second half of the XIX century, when Mount Athos was inevitably drawn into the orbit of the geopolitical interests of both Russian and Britain. The main theme of the article is Greek-Russian conflict in the St. Panteleimon Monastery which had reached its climax by the mid-1870s. According to the archival records and the materials published in the last decade, one can trace Archimandrite Leonid (Kavelin's) participation in the role of a church diplomat in the process of solving the problems of the Russian monasticism on Mount Athos during the period of anti-Russian tension in the Orthodox East.

Keywords: Orthodox East, Russian-British diplomacy, St. Panteleimon Monastery, ethnophyletism, Greek-Russian conflict, Archimandrite Leonid (Kavelin), Russian diplomacy.

...

For citation: Kudlasevich I.N. The Crisis of Greek-Russian Relations in the 1870s Based on Correspondence between Archimandrite Leonid (Kavelin) and the Elders of Athos. *Christianity in the Middle East*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 56–77.

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project No. 20-09-41016.

На протяжении многих столетий присутствие русского монашества на Афоне знаменовало собой образцовый пример иноческой общины Свято-Пантелеимонова монастыря, живущей в тесном духовном общении с греками, сербами и болгарами. Однако в начале 1870-х гг. над русскими святогорцами нависла угроза изгнания не только из самой обители, но и со Святой Горы.

Бедственное положение монахов усугубляли сопутствующие внутренние и внешние обстоятельства. Рост влияния русских на Афоне не устраивал антипросопов Священного Кинота, или Протата — соборного органа управления в Святой Горе. В Протате были недовольны избранием в игумены двух афонских обителей выходцев из Пантелеимонова монастыря. Раздражение вызывала и особая благосклонность к малороссийскому Андреевскому скиту Константинопольского патриарха Анфима VI.

Опосредованно, но не менее пагубно на русских святогорцах отразились последствия греко-болгарской схизмы. Уклончивая позиция Русской Церкви по вопросу о Болгарской экзархии, молчание Святейшего Синода в ответ на послание Константинопольского патриарха, а также решение российского правительства поставить под контроль деятельность поверенных афонских монастырей в Бессарабии едва не обернулись для русских объявлением схизмы.

В этих условиях череда драматичных событий в Свято-Пантелеимоновом монастыре обозначила новые вызовы для российской дипломатии. В разгар острейшего кризиса 1874–1875 гг. в урегулирование конфликта пришлось вмешаться послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву. Деятельность российских дипломатов на «афонском» направлении их внешнеполитических усилий получила свое освещение в исследованиях И.Ю. Смирновой [2019 (a), (b), (c)]. Участие в судьбе русских святогорцев их «искреннего благодетеля и попечителя» архимандрита Леонида (Кавелина) — в ту пору настоятеля Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, в историографии до сих пор не рассматривалось.

Тесные связи с обителью святого Пантелеимона сложились у архимандрита во время его служения в посольской церкви в Константинополе (1865–1869). Для русских монахов-святогорцев он стал надежной опорой и посредником между монастырем и российским дипломатическим корпусом. При непосредственном участии архимандрита Леонида посол Игнатьев поддержал тогда прошения пантелеимоновцев об официальном покровительстве императора и наделении обители земельным владением в России. Однако по разным причинам их совместные

усилия не увенчались ожидаемым результатом. Вместе с тем поддержка российской дипломатии значительно укрепила позиции русских на Афоне [Кудласевич, 2021]. По возвращении на родину архимандрит Леонид продолжал тесную переписку с афонскими старцами и находился в курсе всех драматических событий, включая резонансный «Пантелеимоновский процесс» 1874–1875 гг.

Исторически присутствие русского монашества на Афоне зависело от духовных, церковно-политических и церковно-дипломатических связей с Россией и Русской Православной Церковью. Канонически все афонские монастыри подчинялись юрисдикции Вселенского патриархата, а их насельники по определению считались подданными турецкого султана. Между тем во второй половине XIX в., по мере обострения противоречий на Ближнем Востоке Святая гора Афон оказалась в эпицентре дипломатических баталий между Российской и Британской империями [Смирнова, 2019 (с)].

Непосредственным поводом к смуте в Пантелеимоновом монастыре послужило решение престарелого игумена обители, грека отца Герасима заранее объявить себе преемника. Выбор старших членов киновии пал на второго духовника русской братии. Отец Макарий (в миру — Михаил Иванович Сушкин), происходивший из богатого купеческого рода и принявший постриг на Афоне в 1851 г., много сделал для возрождения и благосостояния обители. «Нельзя не похвалить мудрость старцев, что они все устроили при своей жизни», — с одобрением откликнулся на это известие архимандрит Леонид в письме к афонским старцам 15 марта 1870 г. [Письма архимандрита Леонида (Кавелина).., 2015. С. 128].

Между тем отец Макарий всячески уклонялся от добровольного согласия: избрание русского игумена могло не понравиться греческой братии. Однако 15 октября 1870 г. на общей трапезе старцы объявили его «нареченным преемником». Отец Макарий осознавал шаткость положения русских иноков: все имущественные права на Пантелеимонов монастырь принадлежали исключительно грекам. Греческие насельники не раз прибегали к этому аргументу в спорах об общем регламенте совместного проживания. В случае возникновения очередного конфликта русским монахам необходимо было иметь запасный вариант для отселения братии.

В качестве такого пристанища старцы рассматривали заброшенную обитель Святого Пантелеимона, или Нагорный Русдик, расположенный в пяти километрах от Пантелеимонова монастыря. В 1169 г. эта небольшая обитель была передана «на вечные времена» русской мона-

шеской общине, что подтверждалось хранившимся в монастырском архиве древним актом. Однако в 1735 г., с кончиной последнего русского инок и отсутствием притока соотечественников из-за русско-турецких войн, Нагорный Руссик был объявлен греческим. В последней четверти XVIII в. обитель пришла в упадок и была оставлена ее насельниками. Греки переместились в другой монастырь, за которым оставили прежнее именование Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Спустя несколько десятилетий, в 1840 г. из-за многочисленных долгов и разорения греки пригласили в обитель русских монахов во главе с духовником, отцом Иеронимом, в миру — Иваном Павловичем Соломенцовым [История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря.., 2015. С. 5–48].

В начале 1870 гг., в период обострения противоречий в монашеской общине, духовники русской братии приняли решение восстановить заброшенный Нагорный Руссик. Судя по всему, свои намерения старцы обсуждали с архимандритом Леонидом в бытность того на Афоне. Во всяком случае осенью 1868 г. отец Леонид успел осмотреть развалины обители, о чем сообщил 17 октября 1868 г. в письме архимандриту Антонину (Капустину), временно исполнявшему тогда обязанности начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме. «Место мне сильно нравится и желалось бы сказать: здесь покой мой, здесь вселюся», — написал отец Леонид под впечатлением от увиденного [ОР РНБ. Ф. 253. А.А. Дмитриевский. Оп. 1. Д. 177. Письма архим. Леонида Кавелина к архим. Антонину Капустину. Л. 75–75об].

Уже в 1870 г. в Старом Руссике был построен корпус братских келий с тремя приделами. Между тем масштаб восстановительных работ требовал значительных денежных средств. На правах «советника и печальника» обители архимандрит Леонид в письме от 22 сентября 1870 г. напомнил старцам «о составлении и подаче через Патриарха прошения о дозволении “общежительным” афонским обителям поочередно, через три года, присылать за сбором» [Письма архимандрита Леонида (Кавелина).., 2015. С. 135].

В начале лета 1871 г. на сохранившемся фундаменте старого храма был заложен собор Святого Пантелеимона. «Надобно ли говорить, как порадовало меня известие о начале возобновления Старого Руссика», — с воодушевлением откликнулся на это событие отец Леонид в письме к святогорцам 9 июля 1871 г. [там же. С. 144]. Для воспитанника оптинских старцев сохранение русского монашества на Афоне представлялось делом исключительной важности. Именно поэтому он предложил разместить статью о возведении собора в одном из церковных изданий.

«Письмецо Ваше об освящении Руссика с небольшими исправлениями намерен напечатать в “Душеполезном Чтении”», — сообщил отец Леонид в том же письме к старцам [там же]. Публикация этой статьи [Письмо с Афона., 1871] привлекла внимание соотечественников. В дальнейшем соборный храм и другие постройки в Нагорном Руссике были возведены на средства русских благотворителей.

В скором времени у Пантелеимонова монастыря появился собственный источник средств, поступавших из России. Стараниями поверенного монастыря отца Арсения (Минина) и посла Игнатьева наконец было получено долгожданное разрешение на открытие часовни в Москве. Небольшое каменное здание возвели по проекту архитектора П.П. Зыкова при Богоявленском мужском монастыре на Никольской улице. Освящение часовни, куда перенесли привезенные афонские святыни, состоялось 11 февраля 1873 г. [Воинов, 1873. С. 312].

Архимандрит Леонид, выражавший ранее скептическое отношение к открытию часовни в Москве из-за бюрократических препон, высоко оценил результаты совместных усилий отца Арсения и посла Игнатьева. «Самое пребывание вашей братии под покровом одной из московских обителей есть для нее ограда от многого, паче же от людских наветов и стрел вражеских», — написал отец Леонид святогорцам 20 марта 1873 г. [Письма архимандрита Леонида (Кавелина).., 2015. С. 158]. Таким образом, накануне смуты в Пантелеимоновом монастыре материальное положение ее братии значительно укрепилось, что не могло не вызвать раздражения в афонском Протате.

Как отмечалось выше, напряженность в обители заметно возросла после болгарской схизмы. В определении Константинопольского Собора, осудившего 16 сентября 1872 г. провозглашение Болгарского экзархата, содержался в том числе недвусмысленный намек на «единомышленников» болгар — русских и сербов. В Константинополе радикально настроенные фанариоты сознательно разжигали антирусские настроения. К обвинению русских в панславизме активно подключилась местная, а также греческая и западноевропейская пресса. «Сердечно скорблю за Св. Русскую афонскую обитель, видя восстающие на нее неповинно волны скорби от лжебратий, которые, сами недугуя (sic!) неисцельной язвой еллинобесия, навязывают ее другим и видят страх там, идеже не бе оного», — сокрушался по этому поводу отец Леонид в письме к старцам 23 ноября 1873 г. [там же. С. 156].

По мнению И.Ю. Смирновой, «ответственность за возбуждение греко-русского конфликта в полной мере лежала на британских дипломатах

и проанглийски настроенных греках, интригами и подкупом добивавшихся нужных им результатов — рассорить две православные нации» [Смирнова, 2019 (а). С. 136]. В условиях острого противостояния на Ближнем Востоке России и Великобритании в орбиту дипломатических баталий неуклонно «втягивался» и православный Афон.

Мнимая угроза панславизма побудила отправиться на Афон одного из активных участников Константинопольского Собора. Архиепископ Сирский Александр Ликургос, представлявший на заседаниях Элладскую Церковь, занимал непримиримую позицию по отношению к болгарам и отличался крайней неприязнью к русским. Его прибытие на Афон осенью 1872 г. предсказуемо ожидали с тревогой. Между тем, по утверждению старцев, Ликургос не обнаружил в Святой Горе «и тени той пропаганды славистической, о которой столько и так трубят в печати» [Переписка Н.П. Игнатьева со старцами., 2018. С. 117]. По их словам, архиепископ покинул обитель вполне удовлетворенным.

В отличие от святогорцев, отец Леонид не доверял «примирительной» риторике опытного интригана, призывавшего «к крестовому походу против славян». «Греки не оставят Вас в покое, — писал архимандрит старцам 23 ноября 1872 г. — Думаю, что кроме прямых нападков воздвигнут и тайные козни, то есть будут стараться привести вас в подозрение перед турецким правительством — против сего-то и требуется особая осторожность» [Письма архимандрита Леонида (Кавелина)., 2015. С. 158].

Как показали дальнейшие события, недовольные присутствием русского монашества в Святой Горе не отказались от своих намерений. К изгнанию русских из афонских обителей открыто призывал поверенный Ватопедского монастыря архимандрит Анания, высланный из Бессарабии за многочисленные злоупотребления.

В письме к архимандриту Леониду в апреле 1873 г. отец Макарий сообщал: «Греки... уже не тайно, а явно отличились заявить Правительству, приписывая нам панславянские намерения» [НИОР РГБ. Ф. 148. Архим. Леонид Кавелин. К. 7. Ед. хр. 10. Письма о. Макария Сушкина к архим. Леониду Кавелину. Л. 2]. Между тем вмешательство Блистательной Порты обернулось для Константинопольской патриархии не только созданием совместной следственной комиссии, но и взятием под контроль доходов афонских метох, что, по словам отца Макария, «чрезвычайно повлияло на умы греков и раздражает их неимоверно». В том же письме к отцу Леониду старец сообщал, что в поисках поддержки у западных держав патриарх Константинопольский Анфим VI «посе-

щает то английского посла, то германского и австрийского и, конечно, в пику нашему, а те готовы к услугам, лишь бы понасолить русскому» [там же. Л. 1об].

Посол Игнатъев тяжело переживал последствия болгарской схизмы, упорно отстаивая идею единства Православных Церквей. По сведениям отца Макария, посол прилагал все усилия, чтобы предотвратить поездку комиссии на Афон. «Успеет ли окончательно — Бог весть, ибо имеет громадные оппозиции против себя», — сокрушался по этому поводу он [там же. Л. 1–1об].

Относительное затишье в Пантелеимоновом монастыре было нарушено летом 1873 г., когда отец Макарий находился по делам в Константинополе. Прологом к громкому «Пантелеимоновскому процессу» послужила череда событий, связанных с болезнью игумена отца Герасима. Греческая братия запретила русским инокам сообщать о случившемся отцу Макарию и самочинно пригласила в обитель карейского келлиота, духовника отца Савву, которому обещала игуменство.

Для усиления своих позиций в конфликте с греками русские святоргорцы поспешили издать акты, или хрисовулы Пантелеимонова монастыря за период с 1036 по 1833 г. Их расшифровкой и подготовкой текстов к изданию на протяжении ряда лет занимался библиотекарь обители отец Арсений (Минин) при участии архимандрита Антонина (Капустина).

Несколько актов ранее были опубликованы архимандритом Леонидом (Кавелиным) в историческом очерке о Пантелеимоновом монастыре [Леонид (Кавелин), архим., 1867]. На издание в 1873 г. полного свода актовых материалов архимандрит откликнулся сразу. «Акты громко свидетельствуют против лживых газетчиков о древности св. обители и принадлежности ее исконно руссам, а не грекам, — писал отец Леонид 17 июля 1873 г. старцам. — После недавно совершившегося, всякая уступка им в этом отношении была бы с вашей стороны малодушием и неразумием, а не смирением» [Письма архимандрита Леонида (Кавелина).., 2015. С. 159].

На эту публикацию с раздражением отреагировали на Востоке. «Издание Актов не совсем-то нравится грекам, и некоторые дерзают говорить, что они подложные», — сокрушался по этому поводу отец Макарий [НИОР РГБ. Ф. 148. Архим. Леонид Кавелин. К. 7. Ед. хр. 10. Письма о. Макария Сушкина к архим. Леониду Кавелину. Л. 4]. В августе 1873 г. старец проинформировал отца Леонида о прибытии на Афон следственной комиссии. Послу Игнатъеву не удалось тогда воспрепятствовать ее приезду и расстроить тем самым стратегический замысел европейских

держав — столкнуть между собой единоверные нации. Посол «весьма скорбит о неустройстве церковных дел; он всегда вспоминает о Вас», — писал отец Макарий архимандриту Леониду [там же. Л. 5].

Опрос возмущенных греков позволил комиссии сделать вывод, что причиной смуты в монастыре послужило нарушение устава. Монашествующим была зачитана патриаршая грамота, из которой следовало, что «настоятели монастырей Афонской Горы должны непременно быть турецкоподданными и рожденными, и что избираться [они] должны по смерти игумена» [там же. Л. 4].

Выводы следственной комиссии были представлены Константинопольскому Синоду и обсуждались осенью 1873 г. на нескольких заседаниях. Между тем, по свидетельству старца Макария, в ходе дискуссии наметился взвешенный подход в оценке событий на Афоне, в том числе о несправедливых обвинениях русских в панславизме. «Комиссия, если не для русских, то для афонцев, не была излишней, <...> и уже второе заседание в Константинополе старается высказать несправедливость наносимых клевет и нарицаний на Святую Гору», — писал отец Макарий 4 ноября 1873 г. архимандриту Леониду [там же. Л. 7об]. Вместе с тем окончательного решения Синода тогда не последовало в связи с очередной ротацией патриарха. «У нас в обители, — сообщал старец, — вследствие затихших криков и неблаговолений П<атриархии> тоже было вознесли свои гласы грекосы, но с падением Патриарха и они нос повесили» [там же. Л. 8].

В ноябре 1873 г. на патриарший престол вторично был избран Иоаким II, благоволивший ранее русским. В связи с упорными слухами о новом назначении посла Игнатьева архимандрит Леонид настоятельно советовал старцам заручиться его поддержкой в разрешении «замороженного» конфликта. «Желательно, — писал архимандрит 28 декабря 1873 г., — чтобы Вы <...> просили его помощи к поддержанию в обители порядка и русского влияния при грядущей перемене со смертью геронды» [Письма архимандрита Леонида (Кавелина).., 2015. С. 160].

Со своей стороны, для разрешения конфликта архимандрит Леонид предложил отцу Макарию объявить о самоотводе и выдвинуть в игумены компромиссного кандидата. Таким кандидатом, по мнению архимандрита, вполне мог стать этнический болгарин. Но прежде следовало обсудить этот вопрос с послом Игнатьевым. «Выставьте Вы болгарина, объявив келейно, для чего это делается, все может уладиться, и вы по-прежнему останетесь с русским влиянием на дела обители. Иначе вам

навяжут грека или заставят вас выселиться из родного гнезда...», — пояснил отец Леонид [там же. С. 160–161].

Между тем предлагаемое решение оказалось для святогорцев неприемлемым. Из-за последствий болгарской схизмы на Афоне наблюдался рост греческого филетизма. «Посеянные плевелы раздора прежде бывшим Патриархом, — писал в ответ на это предложение отец Макарий, — к несчастью, приносят плоды и вообще на Св. Горе, а тем более в нашей обители, так как у нас тоже немало болгар, к которым прикрепляют и нас, а потому сожительство с нами всеми стараются поддержать свой эллинизм» [НИОР РГБ. Ф. 148. Архим. Леонид Кавелин. К. 7. Ед. хр. 10. Письма о. Макария Сушкина к архим. Леониду Кавелину. Л. 10].

Очередная волна нестроений началась в январе 1874 г. Череду уступок грекам не поспособствовала умиротворению в обители. В этих условиях русские духовники решились на отчаянный шаг – просить благословения о разделении братии. По их просьбе игумен Герасим издал грамоту на русском и греческом языках. В преамбуле констатировалось, что две монашеские общины «не могут впредь сожительствовать мирно в одном и том же монастыре из-за многих противоречий». Основная часть текста содержала правовое обоснование для раздела имущества в монашеской общине. «Так как русская братия обустроила большую часть монастыря сего, воздвигла многие церкви, выстроила дома, многие из наших метохов выкупила, некоторые исправила и некоторые вновь создала», тораспоряжением. Герасимарусскиеполучали «преимущественное право в имеющим быть разделе» [История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря..., 2015. С. 349].

В другой грамоте, выданной русской братии 30 января 1874 г., старец Герасим удостоверил сам факт приглашения в обитель русских иноков; перечислил их заслуги, в том числе принесенные в монастырь собственные денежные средства монахов, поступление значительных пожертвований из России, погашение многочисленных старых долгов, строительство зданий и церквей, создание разветвленной инфраструктуры, в том числе больницы и фотографической мастерской [там же. С. 350].

К тому времени в Пантелеимоновом монастыре проживало 360 русских иноков и чуть более двухсот греков и болгар. Однако наиболее непримиримая часть греческих монахов готова была пойти на радикальные меры. Вопреки распоряжению отца Герасима, они поспешили полностью отстранить от управления русских, потребовали монастырскую печать и казну, запретили восстановительные работы в Нагорном Руссике.

В феврале 1874 г. зачинщики смуты отказались подчиняться отцу Герасиму, запретили русским посещать больного игумена и вынудили русских передать им оригиналы актов Пантелеимонова монастыря [там же. С. 352–353].

В чрезвычайной ситуации было принято решение просить о заступничестве всесильного российского посла. В марте 1874 г. братия, с благословения игумена и втайне от греков, отправила отца Макария в Константинополь. С послом Игнатьевым предстояло также обсудить перспективы судебного дела об имущественных правах на Нагорный Руссик. Однако визит в посольство не принес спокойствие братии. В письме к архимандриту Леониду, 7 марта 1874 г. отец Макарий сообщал: «Они ужасаются этого и боятся дурного исхода, и паки столкновения с греками» [НИОР РГБ. Ф. 148. Архим. Леонид Кавелин. К. 7. Ед. хр. 10. Письма о. Макария Сушкина к архим. Леониду Кавелину. Л. 12]. Таким образом, в разгар острейшего кризиса русские святогорцы остались без поддержки посла.

По возвращении на Афон отца Макария старцы обратились в Протат с просьбой урегулировать конфликт. Прибывшей в обитель комиссии не удалось примирить разноплеменную братию. 22 марта 1874 г. русские святогорцы были вынуждены изложить свои жалобы и предложения в письменном виде. В связи с приближением Светлой Пасхи работа комиссии была перенесена на более поздние сроки.

В ответном письме к старцам, датированном апрелем 1874 г., отец Леонид объяснил уклончивость Игнатьева сложным раскладом церковно-дипломатических и политических противоречий на Православном Востоке. После провозглашения Болгарской экзархии посол старался избежать конфликта с Греческим королевством, имевшим значительное влияние на Константинопольский престол. «У Николая Павловича хорошо и необходимо было просить совета, — писал отец Леонид, — но прямого никогда не дождетесь: ему греки теперь надобны, чтоб уверять себя и других, что вот-вот он уладит греко-болгарскую распрю — тщетная надежда, но на сей раз ему необходимая...» [Письма архимандрита Леонида (Кавелина).., 2015. С. 161].

Со своей стороны, архимандрит Леонид предложил старцам рассмотреть иные варианты разрешения конфликта. «Если бы вам удалось удержаться за собою Руссик Старый даже на таких правах, как скиты Андреевский и Ильинский, с достаточным количеством леса и частью пристани — и то хорошо...», — убеждал отец Леонид [там же. С. 162]. В качестве альтернативного варианта предлагалось выкупить монастырь у греков

и просить афонский Протат выделить мятежникам другую обитель, «с обязательством платить им за добровольный выход определенную сумму на содержание того монастыря, в который они выселятся...» [там же]. Однако более реалистичным для святогорцев отец Леонид все же считал переселение в древнюю обитель. «Советую Старый Руссик занять посильнее — в виде гарнизона сей русской твердыни на всякий случай, — уговаривал он старцев. — <...> Пока тянутся переговоры, я бы втихомолку устраивал в Старом Руссике хозяйство так, чтобы в случае нужды можно было переселиться туда за один день... и утвердиться там крепкою ногою» [там же].

Его подход к решению «афонского вопроса» в некоторых пунктах перекликался с мерами, предложенными авторитетным православным деятелем А.Н. Муравьевым. Обеспокоенный ситуацией в Пантелеимоновом монастыре, церковный дипломат посетил Святую Гору в апреле-мае 1874 г. Формально его паломничество на Афон состоялось по приглашению монахов Андреевского скита, ктитором которого он пребывал четверть века. Однако главной причиной поездки стал, безусловно, греко-русский конфликт [Смирнова, 2019 (а). С. 138–140].

Накануне его прибытия в Пантелеимоновом монастыре возобновила свою деятельность комиссия уполномоченных. 23 апреля 1874 г. монашеской братии огласили новый устав. Решением соборного Протата обитель объявлялась исключительно греческой; возглавлять ее дозволялось только этническому греку с подданством Османской империи. Отдельными пунктами устава предусматривалось сокращение количества русских насельников до одной трети и налагался запрет на строительство новых построек в Нагорном Руссике [История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря..., 2015. С. 355].

Пребывая на Афоне в статусе паломника, Муравьев все же позволил себе «очень учтиво» и вместе с тем твердо выразить озабоченность несправедливостью по отношению к русским, поставив об этом в известность посла Игнатьева в письме от 9 мая 1874 г. Во время визита к нему афонских антипросопов он напрямую заявил: «Мы <...> не можем оставить равнодушно своих единоплеменников и дозволить, чтобы их выжили со Св. Горы, не только из Русика, ибо, как видно, таково тайное желание греков» [А.Н. Муравьев и российская дипломатия..., 2019. С. 450]. Для поддержки святогорцев Муравьев потрудился составить за них протест против введения нового устава, поскольку те, по его словам, «не умеют даже ничего написать и боятся писать, чтобы их не публично и не сожгли» [там же. С. 451].

По результатам поездки на Афон Муравьев написал аналитическую записку для Игнатьева. Для урегулирования конфликта Муравьев предлагал действовать через Порту: удалить зачинщиков смуты со Святой Горы; султанским фирманом объявить Пантелеимоновскую обитель русским монастырем, с самостоятельными правами и представительством ее антипросопа в соборном афонском Протате [Смирнова, 2019 (а). С. 140].

Между тем заявленный русскими протест решительно отклонили в Протате. Стало очевидно, что без вмешательства всесильного российского посла умиротворить враждебно настроенных греков не представлялось возможным. Отец Макарий поспешил в Константинополь «подать прошение Его Сиятельству с тем, чтобы он остановил введение этого нового канонизма...» [НИОР РГБ. Ф. 148. Архим. Леонид Кавелин. К. 7. Ед. хр. 10. Письма о. Макария Сушкина к архим. Леониду Кавелину. Л. 15 об]. В дальнейшем старцы намеревались просить Константинопольского патриарха о разделении монашеской общины. Об этом отец Макарий сообщил в письме от 27 мая 1874 г. архимандриту Леониду.

Отец Леонид не одобрил намерений старцев. «Не вижу из одного другого исхода, как немедленный исход из греческого Руссика», — настаивал архимандрит в письме к старцам 7 июня 1874 г. — <...> Замысел греков ясен: ослабить вас бунтовщиками противу их решения и лишит законных заслуг, если вы будете продолжать борьбу, живя в одной с ними ограде» [Письма архимандрита Леонида (Кавелина).., 2015. С. 164–165]. В качестве альтернативы запретному для них Нагорному Руссику отец Леонид советовал инокам переместиться в небольшой скит Крумницу, приведенную к тому времени в порядок отцом Макарием, или, на крайний случай — при содействии Игнатьева, в Миры Ликийские.

Тем временем Игнатьев вместе с Муравьевым обсудили ситуацию на Афоне с патриархом Константинопольским Иоакимом. Для наведения порядка посол предложил рассмотреть два варианта разрешения конфликта: признание прав русской общины на владение обителью (вариант А.Н. Муравьева) или разделение монастыря на две общины (вариант святогорских старцев). Также Игнатьев настаивал на обязательном выдворении мятежников из Пантелеимонова монастыря [Смирнова, 2019 (а). С. 141]. Позже в письме к святогорцам от 30 июня 1874 г. Муравьев высказал свое отношение к перспективе разделения с греками. «...Это вещь несбыточная, и самому Патриарху угрожает падение, если он на это согласится, ибо греки не допустят», — пояснял церковный дипломат [А.Н. Муравьев и российская дипломатия.., 2019. С. 457].

Между тем решение Игнатьева все же вмешаться в конфликт обнадежило святогорцев. По убеждению отца Макария, «без знания языка, незнания местного судопроизводства, незнания лиц, неимения советников, при ненависти греков к русским» пантелеимоновцы вступали в борьбу «как бы против целой нации». Как оказалось, кроме Игнатьева, других сочувствующих им сотрудников в посольстве попросту не было. «Великое Вам спасибо, что приблизили нас к послу, — писал отец Макарий 20 июня 1874 г. архимандриту Леониду, — ибо мы и сюда боялись носу показать» [НИОР РГБ. Ф. 148. Архим. Леонид Кавелин. К. 7. Ед. хр. 10. Письма о. Макария Сушкина к архим. Леониду Кавелину. Л. 17об]. В том же письме старец отметил, что переселение братии в Миры Ликийские едва ли дозволит в Порте и в Константинопольской Патриархии.

По настоятельной просьбе Муравьева посол Игнатьев посетил Афон в июле 1874 г., в сопровождении двух иностранных дипломатов — германского и американского. По оценке И.Ю. Смирновой, в Протате Игнатьев действовал «решительно и даже жестко» [2019 (а). С. 140–141]. Демарш Игнатьева стал ответной мерой на тайные интриги первоприсутствующего в Протате лаврского архимандрита Павла и некоторых других «дервишей эллинизма», по меткому замечанию Муравьева. Из письма к нему Муравьева от 5/17 августа 1874 г. стало известно, что британский посол находился в тесном контакте с антипросопом Великой лавры и получал от него «все документы, относящиеся до греко-русской распри (протоколы и пр.)» [А.Н. Муравьев и российская дипломатия., 2019. С. 459]. При встрече в Протате посол поставил антипросопа «на место» и выдвинул ему ультиматум: «если мир и тишина не водворятся на земле, находящейся под властью султана, и в монастырях, подчиненных Патриарху, то, конечно, будут приняты меры, чтобы положить конец злу» — писал Игнатьев 8/20 августа 1874 г. Муравьеву [там же. С. 462]. Несмотря на предъявленный ультиматум, сразу после отъезда русского посла афонский Протат пытался принудить русскую братию к исполнению предложенного ей устава, без его утверждения высшей церковной властью.

Перед Игнатьевым стояла непростая задача. С одной стороны, не допустить разрыва с патриархом из-за «афонского вопроса»; с другой — сохранить статус-кво Святой Горы, не допуская вмешательства Порты, к посредничеству которой призывал Муравьев [Смирнова, 2019 (а). С. 141]. Однако из официального заявления Константинопольского патриархата следовало, что Синод «согласился представить воз-

никший спор на разрешение особой комиссии, в состав которой войдут: поверенные от патриарха и св. синода всероссийского и чиновник от турецкого правительства». Тем не менее, Игнатьеву удалось, судя по всему, склонить патриарха «на признание м-ря Пантелеимонова русским, каким он был всегда» [Н.Д., 1874. С. 374].

Заседание суда Великой Церкви открылось 21 августа 1874 г., без участия официального представителя с российской стороны. Прибывший в Константинополь отец Макарий писал 29 августа архимандриту Леониду: «Николай Павлович лично мне оказывает большие ласки и обнадеживает меня добрым исходом; помощники Его с призрением смотрят на это дело и хотят как-нибудь сковеркать, лишь бы поскорей кончилось и нас не было бы видно в Посольстве» [НИОР РГБ. Ф. 148. Архим. Леонид Кавелин. К. 7. Ед. хр. 10. Письма о. Макария Сушкина к архим. Леониду Кавелину. Л. 21об]. После отъезда Игнатьева в конце августа в Крым, отец Макарий остался без необходимой ему поддержки.

На очередном заседании патриарх Иоаким высказался вполне определенно. Предстоятель предложил отправить на Афон комиссию с целью примирить враждующие стороны. Если греческая братия согласится на мирное сосуществование с русскими, то, по словам отца Макария, «канонизм, изданный... Протатом должен уничтожиться, а Великой Церковью составится другой». Патриарх также отклонил пункт предложенного ранее устава: об избрании в игумена исключительно этнических греков. «Если они на это согласятся, — сообщал отец Макарий в своем письме к отцу Леониду от 29 августа 1874 г., — тогда должен последовать выбор Игумена по голосам, и если выберут Русского, то сожителство должно устроиться по-прежнему». В противном случае патриарх оставлял за русскими «право просить раздела» и не возражал, по словам старца, «сделать временный раздел, то есть разделить продукты и варить, и трапезу иметь особо» [там же].

Между тем в ходе прений по ключевым вопросам греко-русской распри радикально настроенные члены Смешанного совета предложили объявить Пантелеимонов монастырь собственностью Великой Церкви и настаивали на избрании в игумена исключительно подданных султана. Очередное заседание было прервано из-за отказа представителей мирян обсуждать эти вопросы. По словам отца Макария, «целую неделю ожидали демонстрации о низложении патриарха..., но, слава Богу, кое-как утишились». В письме к архимандриту Леониду от 17 октября 1874 г. старец сообщал: «Патриарха бомбардируют то турецкое правительство, то сами греки богатые, оттого идет таковая катавасия» [там же. Л. 22об].

Таким образом, Блистательная Порта использовала распрю в Пантелеимоновом монастыре для прямого вмешательства в «афонский вопрос», что не могло не обеспокоить Игнатьева. «Турки цепко взялись за это дело, и братия наша смущается», — писал отец Макарий 29 декабря 1874 г. архимандриту Леониду [там же. Л. 30об]. К концу года официального решения суда Великой Церкви так и не последовало из-за «болезни патриарха», который, по словам старца, «болел не физически, а политически» [там же. Л. 28об]. Смешанный совет из архиереев и мирян продолжал разбираться в обстоятельствах конфликта, изучая «обоюдные жалобы и протоколы». Сам же Предстоятель настаивал отложить это дело до принятия общего устава Святой Горы «вследствие неурядицы на Афоне и противления патриаршей власти» [там же. Л. 29].

Тревожные известия из Константинополя заставили афонский Протат назначить на 10 января 1875 г. экстренное заседание Собора, с целью примирить разноплеменную братию самостоятельно, без вмешательства патриархии. Однако, по словам отца Макария, русские твердо стояли на своем: «достигнуть или разделения монастыря, или утверждения за нами всех прав монастырских с изгнанием мятежников» [там же. Л. 29об]. Вместе с тем требование Порты отказаться от российского подданства побудили старцев вновь обратиться к Игнатьеву за защитой. «Кроме посла, мы сочувствие не получаем ни от кого, да и тот, вероятно, из опасения потери болгарского вопроса всеми силами старается, чтобы мы скорей покончили наше дело на каких бы то ни было условиях», — сообщал в том же письме к архимандриту Леониду от 29 декабря 1874 г. отец Макарий [там же. Л. 30].

Судя по контексту писем из Афона, в разгар греко-русской распри старцы остро нуждались в практических советах отца Леонида. Между тем не вся корреспонденция доходила до их адресата. Обеспокоенный отсутствием писем из Нового Иерусалима, 24 марта 1875 г. отец Макарий сообщал архимандриту: «Трапезу при помощи благодати Божией разделили, впрочем, с согласия здешних [антипросопов]; и какой Вы подаете совет о поступлении с греками, так оно, кажется, идет. Дай Бог, чтоб так случилось, как Вы пророчествуете» [там же. Л. 32об]. Греки «осознали свою ошибку», оставшись без провианта, и признали перед Священным Синодом свою неправоту. По словам отца Макария, патриарх Иоаким просил давать «им на содержание до окончания дела, но мы промолчали» [там же. Л. 34].

В ответном письме к старцам от 28 марта 1875 г. архимандрит Леонид призывал их действовать осмотрительно. «Если вы твердо решились

не подчиняться грекам и вместе не оставлять своего нынешнего гнезда, то вы, действуя осторожно, но твердо, можете вынудить греков самих искать и просить отделения или разделения» [Письма архимандрита Леонида (Кавелина).., 2015. С. 167]. Понимая риски и опасения Игнатьева в сложном раскладе сил на Православном Востоке, отец Леонид пояснял: «Наши не должны и не могут (по причинам духовного и политического свойства) принять деятельное участие в вашей судьбе» [там же. С. 168]. Рассчитывать следовало только на собственные силы.

В случае обострения ситуации на Афоне, архимандрит Леонид советовал обратиться к «государю императору через великих князей Константина Николаевича и Алексея Александровича; и все это устроить будет возможно, но только в самом крайнем случае, когда на месте все будет испробовано...» [там же. С. 169].

Весной 1875 г. работа Смешанного совета в Константинополе приближалась к завершению. Перед вынесением окончательного решения патриарх настоял на встрече представителей от двух братий, «чтоб написать обеим сторонам о примирении». В письме от 10 апреля отец Макарий сообщал архимандриту Леониду: «Но только по нашему плану, чего, конечно, они не согласятся, или о разделении нам нужно с их стороны согласие на это, а уж там как-нибудь бы сошлись» [НИОР РГБ. Ф. 148. Архим. Леонид Кавелин. К. 7. Ед. хр. 10. Письма о. Макария Сушкина к архим. Леониду Кавелину. Л. 37об].

В том же письме к отцу Леониду старцы обратились к нему за «братским советом». «Мы просили, — писал отец Макарий, — ввиду неприязненных отношении к нам греков.., да и на всякий случай войны, <...> местечко на Кавказе, в котором нам не отказали» [там же. Л. 38об]. Для подачи соответствующих документов следовало определиться с составом братии и количеством десятин земли для отведения под метох. Об этом старцы просили совета у отца Леонида.

Тем временем усилия патриарха примирить конфликтующие стороны встретили сопротивление в Святой Горе. В письме к архимандриту Леониду от 18 апреля 1875 г. отец Макарий сообщал: «Протатские теперь схватились за свои затылки, но не все; Ватопед более всех противится нашему благоустроению, а за ним Лавра и Ивер; они-то и поддерживают наших бунтующих братий греков» [там же. Л. 40об.–41]. Настроения святогорцев не только в Пантелеимоновом монастыре, но и в скитах Андреевском и Ильинском были крайне тревожными.

«Основание Вами на Кавказе обители на случай “осадного положения” — дело недурное, — отвечал отец Леонид в письме от 22 апреля

1875 г. — Но прежде и паче всего надобно соблюсти осторожность — не прежде давать требуемое объяснение о количестве земли и прочее, как испросивши право послать ходоков осмотреть, что, где и как. Хорошо, если бы вам отдали Пицундский храм, при котором уже основана обитель иноческая... Поговорите о сем с Николаем Павловичем, а ему есть, кому помогать на Кавказе. <...> Земли надобно просить побольше, заявляя намерение развести виноградники и другие южные плантации... Обитель общежительная, а потому просить позволения содержать в оной не менее шестидесяти человек: тридцать монашествующих и столько же послушников» [Письма архимандрита Леонида (Кавелина)..., 2015. С. 170]. По совету архимандрита, в качестве «ходока» решено было отправить на Кавказ отца Арсения (Минина).

Между тем вопрос об устройении метоха за пределами Афона приобрел для святогорцев особое значение. Противоречия в Пантелеимоновом монастыре только обострялись. «Попытка сойтись с греками едва ли удастся», — сообщал отец Макарий в письме к архимандриту Леониду 5 мая 1875 г. [НИОР РГБ. Ф. 148. Архим. Леонид Кавелин. К. 7. Ед. хр. 10. Письма о. Макария Сушкина к архим. Леониду Кавелину. Л. 42об]. Мятежники сменили тактику и настаивали на обращении обители в штатный монастырь. «По отделу трапезы, — рассказывал старец, — несколько раз прекращали выдачу им провизии, что, конечно, было страшным воплем...» [там же. Л. 43]. При этом русские никому не отказывали в трапезе на своей половине монастыря. По мнению старца, только так их можно было вынудить «к скорейшему окончанию дела и соглашению на что-нибудь с их стороны» [там же. Л. 43об].

Однако развязку затянувшегося конфликта приблизили иные события. 10 мая 1875 г. преставился старец-игумен отец Герасим. Отслужив на 9-й день панихиду по усопшему, духовник русской братии отец Иероним (Соломенцов) призвал на следующий день исполнить волеизъявление геронты. 360 русских насельников, к которым присоединились 45 греков и болгар, 20 мая избрали во игумена ранее «нареченного преемника» старца Герасима. «Патриарх этим действием остался недовольным, — сообщал отец Макарий после своего избрания в письме от 2 июня 1875 г. к архимандриту Леониду. — А газеты и народ бранят в развале как избравших, так и избранного. Только было дело немножко притихло, а теперь опять загомели, игумена называя узурпатором, а самое избрание крайнею дерзостью против Церкви, хотя при избрании соблюдены все формальности» [там же. Л. 46об]. Избрание отца Макария не могло не обрадовать Игнатьева. «По особому благоволению г. посла» игумен слу-

жил в День Святой Троицы в посольской церкви в Пере. Судя по всему, Игнатъев предпринял меры для умиротворения патриарха.

Недовольные греки направили свой протест в Константинопольский патриархат. На заседаниях Смешанного совета, в прениях сторон решающую роль сыграло заступничество российского посла. В сложных для себя условиях патриарх Иоаким принял компромиссное решение — провести повторное голосование в присутствии двух экзархов от патриархии и двух уполномоченных от Протата. 20 июля 1875 г. избрание отца Макария своими подписями подтвердили 415 иноков. Несогласных оказалось 118 греков, из которых 25 вскоре присоединились к большинству. После подтверждения легитимности процедуры избрания, 21 августа патриарх благословил отцов Иеронима (Соломенцова) и Макария (Сушкина) на временное управление обителью. Спустя месяц, 24 сентября, в Константинополе отца Макария торжественно возвели на игуменский трон. 15 октября 1875 г. патриархом был издан акт об избрании игумена, закрепивший за монастырем его историческое название Русский [История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря., 2015. С. 362–363].

Так завершился резонансный греко-русский конфликт, в урегулировании которого так или иначе принимали участие российские дипломаты и церковные деятели. По разным причинам русским святогорцам не удалось осуществить предложенный отцом Леонидом план: разделение с греками и основание самостоятельной общины в Нагорном Руссике. Справедливости ради следует отметить, что этот план едва ли возможно было осуществить силами самих святогорцев. Слишком шаткими и уязвимыми были их позиции без официальной поддержки России, при высокой активности на Православном Востоке западноевропейской дипломатии.

Вместе с тем неравнодушие отца Леонида к судьбам восточного монашества позволило сохранить тесные связи с Афоном и привнести традиции этой «школы монашеской жизни» на русскую почву. В 1879 г., в результате многолетних усилий посла Н.П. Игнатъева, поверенного Пантелеимоновской обители отца Арсения (Минина) и архимандрита Леонида (Кавелина), указом императора русским святогорцам был передан «на вечные времена» Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии.

Литература

- А.Н. Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке: дипломатические записки и переписка / сост. И.Ю. Смирнова. М.: Индрик, 2019. 603 с.
- Воинов Н. Праздник св. вмч. и целителя Пантелеимона 27 июля 1873 г. в Богоявленском, на Никольской улице, монастыре и несколько слов о часовне, учрежденной во имя сего угодника Божия при означенном монастыре // Московские Епархиальные ведомости. 1873. № 32.
- История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 г. Св. Гора Афон, 2015. 802 с.
- Кудласевич И. Архимандрит Леонид (Кавелин) и Свято-Пантелеимонов монастырь: к истории русско-афонских связей во второй половине XIX в. // Россия — Турция — Греция: возможности диалога на Балканах / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Ин-т славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 81–103.
- Леонид (Кавелин), архим. Русский монастырь святого Пантелеимона — Руссик. Одесса, 1867. 127 с.
- Н.Д. Известия с Востока // Московские Епархиальные ведомости. 1874. № 35. С. 373–374.
- Переписка Н.П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. / сост. К. Вах; науч. ред., коммент. диак. Петр (Пахомов). М.: Индрик, 2018. 655 с.
- Письма архимандрита Леонида (Кавелина) к архимандриту Антонину (Капустину) // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 177. Л. 36–156.
- Письма архимандрита Леонида (Кавелина) к афонским старцам / Письма выдающихся церковных и светских деятелей России старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Св. Гора Афон, 2015. С. 43–206. (Русский Афон XIX–XX вв.; 10).
- Письма о. Макария (Сушкина) к архим. Леониду (Кавелину). 1873–1879 // НИОР РГБ. Ф. 148. К. 7. Ед. хр. 10. 94 л.
- Письмо с Афона: об освящении в старом нагорном Руссике возобновленного храма во имя святого Саввы Сербского, и закладка соборного храма Святого Пантелеимона на древнем основании // Душеполезное чтение. 1871. № 8. С. 142–145. (В Приложении: Слово в день освящения церкви Святого Саввы в Старом Руссике. С. 145–147).
- Смирнова И.Ю. (б) А.Н. Муравьев и «афонский вопрос»: к истории дипломатии на Православном Востоке (1850–1870–е гг.) // 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи. М.: Индрик, 2019. С. 385–446.

Смирнова И.Ю. (с) Афон в центре внимания российской и британской дипломатии: к истории межцивилизационного диалога (1840–1870–е) // Диалог культур и цивилизаций: материалы Международной научно-практической конференции. 15–16 марта 2019 г. / под общ. ред. Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. С. 583–589.

Смирнова И.Ю. (а) «Афонский» вектор российской дипломатии на Православном Востоке в 1840–1870-х гг. // Православный палестинский сборник. 2019. № 116. С. 127–148.

References

Archimandrite Leonid (Kavelin's) letters to Archimandrite Antonin (Kapustin). The manuscript department of the national Library of Russia, coll. 254, rec. 177, pp. 36–156.
Archimandrite Leonid (Kavelin's) letters to Athos elders. The letters of Russian prominent church and secular figures to the elders of St. Panteleimon Monastery on Mount Athos. 2015, pp. 43–206

Father Makariy (Sushkin's) letter to Archimandrite Leonid (Kavelin) 1873–1879. The Department for Scientific Research and Manuscripts of The Russian State Library, coll. 148, cart 7, file 10, 94 p.

History of the Russian St. Panteleimon Monastery on Mount Athos since 1735 to 1912. St. Russian Athos of the XIX–XX centuries, no. 5. Mount Athos, 2015, 802 p.

Kudlasevich I. Archimandrite Leonid (Kavelin) and St. Panteleimon Monastery: the history of Russian-Athonite relations in the second half of the XIX century. Russia — Turkey — Greece: possibilities of dialogue in the Balkans. (Ed. Nikiforov K. V. Russia — Turkey — Greece: the opportunity of dialogue in the Balkans. Moscow, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Saint-Petersburg, Nestor-Istoria, 2021, pp. 81–103).

Leonid (Kavelin), archimandrite. The Russian Panteleimon Monestary. Odessa, Russik Publ, 1867, 127 p.

Letter from Mount Athos: about the consecration of the renewed church named after St. Sava of Serbia in the old Upland Russik, and the laying of the cathedral church of St. Panteleimon on the ancient foundation. Soulful reading, 1871, no. 8, pp. 142–145.

Muravyov A.N. and Russian diplomacy in the Orthodox East: diplomatic notes and correspondence. (Comp. Smirnova I.Y. Moscow, Indrik Publ., 2019, 603 p.).

N.D. News from the East. Moscow Diocesan Vedomosti, 1874, no. 35, pp. 373–374.

N.P. Ignat'ev's correspondence with the elders of the Russian Panteleimon Monastery on Mount Athos, 1864–1907. (Comp. Vah K. Moscow Indrik Publ., 2018, 655 p.).

Smirnova I.Yu. A.N. Muravyev and the «Athos question»: the history of diplomacy in the Orthodox East (in the 1850s–1870s). 200 years of diplomatic support for the Russian presence in the Middle East: the history of the creation and activities of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. Moscow, Indrik Publ., 2019, pp. 385–446.

Smirnova I.Yu. Athos in the focus of Russian and British diplomacy: towards the history of intercultural dialogue (the second half of the XIX century). Dialogue of Cultures and Civilizations. Moscow, 2019. pp. 583-589.

Smirnova I.Yu. The «Athos» vector of Russian diplomacy in the Orthodox East in the 1840s–1870s. Orthodox Palestinian collection, 2019, no. 116, pp. 127–148.

Voinov N. The feast of the glorious great Martyr and Healer Panteleimon on July 27, 1873 in the Epiphany Monestary on Nikolskaya Street and a few words about the chapel named after this saint at the said Monastery. Moscow Diocesan Vedomosti, 1873, no. 32, p. 312.